

Основания становление социально-экзистенциального и рационально-концептуального уровней истинности картины социально-исторической реальности.

Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и методологии науки Чувашского государственного университета, г. Чебоксары, Российская Федерация.

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы, связанные со определением оснований параметров истинности картины социально-исторической реальности, отмечено значение социокультурного, деятельностного и субъективистского факторов становления социально-экзистенциального и рационально-концептуального уровней исторической истины.*

***Ключевые слова:** история, модальность истины, социально-экзистенциальный и концептуальный уровни, социально-историческая картина мира*

The base of the formation of socio-existential and the rational-conceptual levels of a true picture of the socio-historical reality.

Stepanov Aleksey Georgievich, candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Department of philosophy and methodology of science of the Chuvash state University, Cheboksary, Russian Federation.

***Abstract:** the article considers the issues related to determining the basis parameters of a true picture of the socio-historical reality, and stressed the importance of socio-cultural, activity and the subjective factors of formation of socio-existential and the rational-conceptual levels of historical truth.*

***Key words:** history, modality of truth, socio-existential and conceptual levels, the socio-historical picture of the world*

Практика освоения человеком реальности очевидно свидетельствует о том, что ему необходимо создать предельно общую картину мира, выступающую в качестве модели мира, в котором ему предстоит действовать.

Человек всегда испытывал потребность в создании некоторой целостной модели окружающего мира, в которой была бы преодолена фрагментарность ощущений, образов, знаний о реальности. А. Эйнштейн отмечал: «Человек стремится каким-то адекватным образом создать в себе простую и ясную картину мира. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы обрести в ней покой и уверенность» [10, с. 9]. В предельно общем смысле «картина мира» представляет собой совокупность общих представлений о реальности, выработанных на определённом этапе культурной эволюции. «Картина мира есть картина определенным образом организованного, актуально значимого для человека, ценностно-нагруженного социокультурного мира, которая является человеческой конструкцией, целостной и относительно непротиворечивой. Она представляет собой совокупность знаний о мире, доступном человеку, является специфической формой отношения человека к природной, социальной и трансцендентальной реальности» [2, с. 66].

Эффективность влияния человека на реальность обусловлена соответствием содержания образа реальности самой реальности. [4, с. 163]. В этой связи одним из неизбежных вопросов организации картины социальной истории становится проблема истинности знаний об историческом событии или историческом процессе в целом. Проблема определения исторической истины неизбежна, так как «это одна из конвенций, которая создает саму возможность историописания» [3, с. 27]. Постановка этого вопроса обусловлена спецификой исторической рефлексии, в рамках которой объект отражения воспроизводится в аспекте активности интерпретационного воздействия на него субъекта. Особенности организации картины социально-исторической реальности заключаются в уникальной сопряжённости объективного и субъективного аспектов знания.

Историческое явление вовлекается в содержание картины социально-исторической реальности благодаря деятельности конкретного её создателя, которому имманентно свойственно определённое субъективно-личностное отношение к историческому явлению. «Вступившая в игру субъективность является не какой-нибудь, а именно субъективностью историка» [1, с. 163]. Содержание исторического опыта неизбежно субъективно, что обуславливает раскрытие исторического материала с позиций его социальной актуальности. Смысл созидания картины социально-исторической реальности заключается в конструировании образа социального прошлого отражающего содержание прошлого как такового [7, с. 173]. Прошлое социума в системе организации картины исторического процесса существует не только как факт события, данный через содержание источников, но и как форма организации культурных приоритетов социальной общности. Следовательно, историческая истина – это знание, организованное в контексте общественных значений.

История, с позиций её анализа как формы овладения социумом социального пространственно-временного континуума, обуславливает конструирование истины в контексте её утилитарно-практического значения. Следовательно, действительно, с чем имеет дело организатор картины истории – это реальность, заданная через систему социальной практики. «Роль практики как фактора, соединяющего и сопоставляющего человеческие знания с объективным миром, проявляется в том, что она выступает, с одной стороны, как материальная деятельность, формирующая объективный предмет познания путем выявления и выделения определенных свойств объективного мира, а с другой как деятельность, формирующая субъект познания» [9, с. 43]. Содержание социокультурной практики выступает в качестве определяющего условия выделения в реальности совокупности свойств (в приложении к нашему исследованию исторических событий), определяемых как существенные, оставляя при этом без необходимого внимания положение о том, что категория «существенное» в своём содержательном аспекте лишено

однозначной дефиниции. Каждая культурная система содержит собственные критерии дифференциации явлений и их свойств на существенные и несущественные, которые очевидно вариативны, альтернативны и изменчивы в контексте изменения общественных парадигм их носителя [5, с. 406].

История науки знает достаточно примеров, когда за субъектом признавалась способность выделения в знании не только параметров истинности или ложности, но и дифференциация самой истины на «абсолютный» и «относительный» уровни, одновременно отмечая при этом ограниченность и несовершенство познавательного потенциала человека. «Практика показывает, что, приписав человеку такую принципиальную способность, никто не удерживается от соблазна примерить ее лично к себе, а риторические оговорки только делают этот соблазн более устойчивым к неизбежным разочарованиям» [5, с. 106]. Являясь отражением в общественном сознании процесса освоения реальности человеком, картина социально-исторической реальности создается ресурсами общественного сознания.

Выявление в реальных исторических событиях параметров, которые вовлекаются в систему организации картины социально-исторической реальности, в определённом смысле означает трансформацию онтологических характеристик этих событий. Они перестают быть явлениями, существующими объективно как сегменты социальной реальности, и становятся мысленными конструкциями, репрезентирующими актуальные в социально-практическом значении аспекты собственной реализации. «Концептуализация практически выделенных свойств объективного мира относится не к самим свойствам, как они существуют вне и независимо от человеческого познания. Она предполагает перевод этих свойств из материальной в идеальную форму» [9, с.218]. Таким образом, историческое явление переводится из системы социальной реальности в систему реальности идеальных концептов. Субстанцией картины социально-исторической реальности становятся, следовательно, не сами исторические события, а их концептуализированные

образы. Данная операция вызвана как спецификой истории (историческое явление потому и является историческим, что не существует здесь и сейчас), так и необходимостью определения истинного хода, значения и смысла исторического явления. Образы истории представляют содержание исторической реальности как истинного (адекватного практике освоения социальной реальности), либо как ложного (несоответствующего практике освоения социальной реальности). В этих условиях значение истинности исторического образа приобретает решающее значение, так как становится инструментом, позволяющим осуществить определение образа истории как адекватной презентации самого исторического события.

Историческое явление, вовлечённое в систему организации картины социально-исторической реальности, представляет собой совокупность исторических событий в ракурсе конкретного понимания их формы и содержания субъектом. Образы истории являются не только отражением самих исторических событий, но и следствием их теоретической идеализации. При этом проблема приоритета гносеологических оснований отражения социально-исторической реальности, обуславливающих её характеристики, или вопрос первичности социокультурных оснований субъекта, определяющих соответствующий способ конструирования истории, является вторичной. Первичным становится факт наличия практического (прикладного) и концептуального (теоретического) уровней конструирования картины истории, которые в предельно общем смысле представляют собой диалектические противоположности единого процесса освоения исторической реальности.

Концептуальная составляющая определения истинности содержания картины социально-исторической реальности непосредственно связана с потребностью становления рационально обоснованного образа истории, обеспеченного системой логически непротиворечивой аргументации. Рациональность становится общезначимым инструментом овладения историей и признается основополагающим принципом организации её картины.

Прикладное значение истории проявилось ещё на ранних этапах её дисциплинарной организации. Изначально история культивировалась как знание социально прикладного характера, акцентирующее внимание на экзистенциально-аксиологическом содержании прошлого. Значение истории и тогда и сегодня определялось социальными практиками, понимаемыми как технологии закрепления в исторической памяти определённых идей. «Я считаю главной обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве» [8]. Апофеозом оценки истории с позиций социальной полезности исторической информации на ранних этапах стал известный трактат Н. Макиавелли ставший краеугольным камнем практической политологии. Совершенно очевидно, что историческая реальность трактуемая в контексте утилитарно-прикладных целей социального настоящего в сознании различных общностей выглядела по-разному, «но это мало кого смущало, ибо соответствовало общепринятым критериям исторического знания. Ни одно идейное направление или движение XIX в. не обходилось без своей истории» [6, с. 359].

Партикулярные сюжеты истории порождали новые варианты прочтения исторических фактов, значения которых в культуре противоположных социальных систем обретают различные смыслы.

Многозначность исторических процессов вызывает одну из важнейших проблем исторической науки – множественность вариантов прочтения исторических событий, обоснованно трактуемых как истинные. Многоуровневость социальной реальности предоставляет возможность одновременной реализации всех подразделений общественной системы, что обусловило многомерность реального исторического процесса, богатство содержания событий и многозначность значений. Социокультурная вариативность отражения истории означает амбивалентность прочтения исторического события, каждое из значений которого может найти достаточное

обоснование в социальной практике. Вариантность истолкования содержания исторического события объясняется его значением для культуры социальной общности, но так как интерпретация содержания самой культуры представляется процессом бесконечным, то и образы исторической реальности и варианты их истинности так же бесчисленны. Рефлексивные практики, реализуемые в процессе созидания картины социально-исторической реальности, предоставляют возможность воспроизведения истин рационально-концептуального и социально-экзистенциального характера.

Список используемых источников:

1. Бровцева Н.Л. Историческое сознание как предмет исторического познания дис. канд. филос. наук: 09.00.01 – онтология и теория познания: Киров, 2003. – 163 с.
2. Матвеев Г.М. Мифоязыческая картина мира этноса (на примере мифов и языческой религии чувашского народа) – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – 391с.
3. Микешина, Л.А. Истина в исторической науке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 3. – С. 27-29.
4. Кузьмин Ю.А. Смыслонесущие функции правосознания // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 3. – С. 162-167.
5. Максимов Н. В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сб. материалов 4-й Международной научно-практической конференции. – 2014. – С. 406-409.
5. Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. – N4. – С. 105-108.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания – СПб.: «Алетейя. Историческая книга», – 2007. – 523 с.

7. Степанов А.Г. Субъективность в системе факторов организации мифологемы социально-гуманитарного знания // Вестник Чувашского университета. 2011. – № 2. – С. 172-177.
8. Тацит. Анналы III. <http://ancientrome.ru>.
9. Чудинов Э.М. Природа научной истины – М.: Политиздат, 1977. – 312 с.
10. Эйнштейн А. Физика и реальность – М.: Наука, 1975. – 158 с.